

Научная статья
УДК 821.161.1.09+929
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-69-80
EDN FOQOMZ

**Репрезентация иконического сюжета «Чудо Георгия о змие»
в пьесе М. А. Булгакова «Бег»**

Ольга Александровна Казьмина

Кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков
Юго-Западного университета КНР, КНР, г. Чунцин
ljolya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7095-4182>

Аннотация. В статье представлена попытка анализа роли присутствующего в пьесе М. А. Булгакова «Бег» образа православной иконы «Чудо Георгия о змие». Включение иконы в пространство художественного произведения обращает к проблеме корреляции между словом и образом и помогает расширить границы текста. Икона, изображенная на железнодорожной станции в ставке белогвардейского генерала Романа Хлудова, тесно связана с темой христианской веры и грядущих гонений на нее, а также с темой, уходящей в прошлое, проигранной царской России.

Важный акцент делается на рассмотрении некоторых связанных с иконическим сюжетом мотивов пьесы, в том числе подтекстовых: борьба добра и зла, темного и светлого, змеборство и др. Делается вывод, что иконический образ Святого Георгия коррелирует с образом белого генерала Хлудова: они являются зеркальными двойниками. Георгий Победоносец изображен с крыльями, Хлудов же является персонифицированной надеждой на спасение и имеет метафорические крылья, под защиту которых бегут герои пьесы. Схожая бледность иконического юноши с белогвардейским генералом вводит в пьесу тему лика и маски, что приводит к выводу о том, что генерал Хлудов надевает маску, становится актером, исполняющим назначенные роли: заступник, генерал, вешатель и др.

Проведенный в данном ключе анализ объясняет и характер белого генерала, и отдельные его поступки. Связь с иконическим сюжетом событий пьесы усиливает их масштабность и катастрофичность.

© Казьмина О. А., 2022

Ключевые слова: М. А. Булгаков; «Бег»; «Чудо Георгия о змие»; Георгий Победоносец; иконическое; Хлудов; маска; змеборство; цветосемантика

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Казьмина О. А. Репрезентация иконического сюжета «Чудо Георгия о змие» в пьесе М. А. Булгакова «Бег» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 69-80. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-69-80>. <https://elibrary.ru/FOQOMZ>.

PHILOLOGY

Original article

**Representing the iconic plot of St. George and the dragon in
M. A. Bulgakov's play Flight**

Olga A. Kazmina

Doctor of philology, associate professor at the Institute of Foreign Languages, Southwest University, China. PRC, Chongqing
ljolya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7095-4182>

Abstract. The article is an attempt to analyze the role of the Orthodox icon “St. George and the Dragon” in M. A. Bulgakov's play “Flight”. Incorporating the icon into the space of the literary work addresses the problem of correlation between the word and the image and helps to expand the text boundaries. The icon depicted at the railway station in the headquarters of the White Army general Roman Khludov is closely related to the theme of Christian faith and its future persecution, as well as to the theme, going back in time, of the lost tsarist Russia.

Special attention is paid to certain motifs related to the iconic plot of the play, including subtextual ones: the struggle between good and evil, dark and light, dragon-slaying, etc. The author concludes that the iconic image of St. George correlates with the image of the white general Khludov: they are mirror twins. St. George the Victorious is depicted with wings, while Khludov is a personified hope for salvation and has metaphorical wings to protect the characters of the play. The likeness of the pale iconic young man to the White Army general introduces the theme of the face and the mask into the play, which leads to the conclusion that General Khludov puts on a mask and becomes an actor performing the assigned roles: defender, general, hangman, etc. This analysis explains both the character of the white army general and

some of his actions. The connection with the iconic plot of events in the play emphasizes their scale and catastrophic nature.

Key words: M. A. Bulgakov; “Flight”; “St. George and the Dragon”; St. George the Victorious; iconic; Khludov; mask; dragon-slaying; color semantics

This article was written as part of the work of Center for Studying Russian-Speaking Countries at Southwest University, the Ministry of Education of the PRC

For citation: Kazmina O. A. Representing the iconic plot of St. George and the dragon in M. A. Bulgakov's play Flight. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):69-80. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-69-80>. <https://elibrary.ru/FOQOMZ>.

Введение

Важное место в художественном мире Михаила Булгакова занимают христианские мотивы, характерные практически для всех значимых произведений автора. Данная проблема в разное время становилась предметом исследований многих булгаковедов [Александрова, 2008; Белобровцева, 2007; Гаспаров, 1994; Дашевская, 1991; Зеркалов, 2003; Иваньшина, 2010; Колесникова, 2001; Кораблев, 1988; Лепяхин, 2002; Урюпин, 2012; Химич, 1995; Яблоков, 2001].

Описанию икон – «живописному Евангелию» – в булгаковских произведениях не отводится большой роли. Присутствие православной иконы в художественном тексте позволяет расширить его границы, поскольку икона понимается как некий переход, окно в другое пространство. Говоря о творчестве М. А. Булгакова едва ли можно сделать выводы о его иконописном аспекте, поскольку во всем наследии писателя иконы присутствуют лишь в нескольких эпизодах. Перед иконой Богоматери Елена

Тальберг вымалчивает спасение своего брата Алексея Турбина («Белая гвардия»). [Булгаков, 1989a]. Во время погони за иностранным консультантом и его шайкой – виновниками гибели Михаила Берлиоза, – поэт Иван Бездомный оказывается в доме 13, в квартире 47, откуда забирает маленькую бумажную икону и свечку и далее перемещается с ними по Москве («Мастер и Маргарита») [Булгаков, 1990]. В пьесе «Бег» иконы упоминаются при описании внутренности монастырской церкви в северной Таврии, а также в белогвардейской ставке, где висит икона Святого Георгия Победоносца [Булгаков, 1989]. Наличие икон в булгаковской поэтике выполняет ряд функций, о которых необходимо сказать.

Включение живописаний святых в художественный текст обращает к проблеме корреляции между вербальным и иконическим / словом и образом. Поэтому важно провести исследование иконических изображений в словесном произведении и попытаться объяснить их подтек-

стовые значения.

В данной статье мы обратимся к пьесе «Бег» и проанализируем присутствие в ней православного иконоческого сюжета «Чудо Георгия о змие» в его связях с событиями и героями произведения, в частности, с образом главного персонажа генерала Романа Хлудова.

**«Юноша этот –
Георгий Победоносец»**

Святой Георгий-змееборец известен с раннехристианских времен и узнаваем во множестве культур, особенно в православной, кроме иконописи встречается в житиях, духовных стихах, легендах и особенно в сказках [Пропп, 1973]. Большое почитание Святой Георгий получил в русской культуре, где является и покровителем воинов, и одним из главных символов государства, изображается на гербе со времен возникновения Великого княжества Московского. Икона Святого Георгия Победоносца помещалась в щите на груди двуглавого орла, тем самым символизируя государственность и защиту всего русского народа. В XVI веке Святой Георгий появился и на русских монетах, и слово «копейка» происходит от копья, оружия, которое держит в руках Георгий на этом изображении. Мы упоминаем эти известные сведения, поскольку в пьесе «Бег» имеет значение как присутствие геральдического символа Российской Империи, за которую воюют белогвардейцы, так и сам культ святого Георгия в право-

славии. Тем самым, икона в хлудовской ставке связана с темой христианской веры, на которую уже начнутся гонения большевиков (об этом в сне Первом, действие которого происходит в монастырской церкви), и с темой уходящей в прошлое царской России, окончательно проигранной красным в Крыму осенью 20-го года.

Икона появляется в тексте однажды: в пространной ремарке ко сну Второму, где среди прочих описаний, о которых будет далее сказано в статье, читаем: **«...на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот – Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада (Здесь и далее в тексте выделено нами. – О. К.)»** [Булгаков, 1989, с. 423].

М. А. Булгаков, возможно в силу особенностей драматургического произведения, не вводит в текст детального описания иконы, поэтому мы не можем говорить об экфрасисе в «Беге». Но при этом упоминание иконы подразумевает расширение границ текста.

В иконическом изображении обращает на себя внимание противопоставление *темного облупленного фона* и *белого юноши*. Антитеза *«темный-светлый»* обнаруживает в пьесе подтекстную тему борьбы света и тьмы, добра и зла.

Важно и указание на то, что фон иконы именно «облупленный», он соотносится с «полинявшими кры-

льями серафимов» [Булгаков, 1989, с. 413] в монастырской церкви в Северной Таврии – месте приютившем бегущих из Петербурга в Крым Голубкова, Серафиму, спасающегося от буденного генерала Чарноты, переодетого в рожающую мадам Барабанчикову и других героев пьесы, оказавшихся в потоке бега. Схожая блеклость и обесцвеченность икон в монастырской церкви и на железнодорожной станции, вероятно, свидетельствует об общем запустении и бесхозяйственности, начинающих в новое время. Эта мысль была близка М. А. Булгакову, поскольку не раз затрагивалась в различных произведениях автора. Кроме этого, нарочитая блеклость также символизирует постепенное отмирание, забвение святынь прошлого и начало явно безрадужного настоящего. Общая серость и тусклость оттенков коррелирует с природными красками в плохую осеннюю погоду: «За окном **безотрадней** октябрьский вечер с дождем и снегом» [Булгаков, 1989, с. 413]. Этот период времени Хлудов впоследствии охарактеризует как «мгла и шуршание» [Булгаков, 1989, с. 440]. Тему смены времен и противопоставления нового старому поддерживает также и деталь: надпись над выходом на главный перрон, сделанная по старой орфографии «Отдѣленіе опѣративное» [Булгаков, 1989, с. 423].

В анализируемой нами ремарке ко сну Второму дается детальное опи-

сание белогвардейской ставки на железнодорожной станции в Крыму, а также внешности и характерных манер генерала Хлудова. Отметим, что здесь читатель впервые встречается с белым генералом, до этого, в сне Первом, были только упоминания о нем. Изображение в одной ремарке Хлудова и Святого Георгия Победоносца создает параллель белогвардейский генерал / «змееборец», следовательно, вся армия, руководимая им, является светлым началом, борющимся со злом.

Кроме того, Хлудов, представленный драматургом вместе с Георгием Победоносцем, может считаться и его зеркальным двойником, что типично для творчества М. А. Булгакова, где тема бинарности, зеркальности и двойничества является общим местом, подробно изученным и описанным во множестве работ.

«Георгий-то Победоносец смеется»

Образ Романа Валерьяновича Хлудова вызывает исследовательский интерес среди литературоведов, которые, несмотря на различные подходы к изучению данного героя, сходятся во мнении относительно его «пороговости», двойственности. Не раз у булгаковедов звучала мысль о том, что Хлудов как бы находится между бытием и небытием, об этом, в частности, свидетельствует его душевная болезнь, выраженная в способности «общаться» с убиенным Крапилиным. Что позволило некоторым

ученым сделать предположение, что фигура Хлудова предшествует Понтию Пилату, изображенному М. А. Булгаковым позже в романе «Мастер и Маргарита» [Химич, 1995; Яблоков, 2001; Яновская, 2007; Казьмина, 2009]. Если придерживаться данной точки зрения, то можно сказать, что Хлудов является и двойником-антагонистом Георгия Победоносца.

Еще до непосредственного появления героя, в сне Первом о нем говорится как о некоем покровителе, способном защитить всех, кто нуждается в его помощи. «*Чарнота*. Слух такой, ваше преосвященство, что вся армия в Крым идет. **К Хлудову под крыло**» [Булгаков, 1989, с. 419]; «*Серафима*. Из Петербурга бежим. Все бежим, да бежим! Куда? **К Хлудову под крыло!** Все снится: Хлудов...» [Булгаков, 1989, с. 430]. Но при встрече с этим героем читатели видят совершенно беспомощного, загнанного в угол, одинокого и больного человека: «Он болен чем-то, этот человек весь болен, с ног до головы. <...> Он возбуждает страх» [Булгаков, 1989, с. 423].

Здесь же впервые описывается внешность генерала: «Человек этот (*Хлудов*. – *О. К.*) лицом бел, как кость» [Булгаков, 1989, с. 423]. Характерная для генерала белизна является признаком очевидного нездоровья, что подтверждается ниже: «Он болен – Роман Валерьянович» [Булгаков, 1989, с. 423]. Следует особенно указать на резкий

смысловой и стилистический контраст его имени и фамилии, о чем пишет исследователь Е. А. Яблоков: «Не исключено, что Булгаков вполне осознанно произвел фамилию персонажа от диалектного слова “хлуда”, одно из значений которого – хворь, болезнь <...> При этом имя и отчество героя – Роман Валерьянович – “программируют” латинские (“римские”) коннотации; отчество Хлудова несет значение “здоровый”» [Яблоков, 1997, с. 179].

Изображенный на иконе святой характеризуется как «белый юноша». Но это вовсе не означает, что его лицо белое. Посмотрим на живописания темных или почерневших ликов на полинявших, облупленных, затертых иконах в произведениях М. А. Булгакова: «смуглое лицо Богоматери» [Булгаков, 1989а, с. 411], «зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами» [Булгаков, 1989а, с. 411], «темное лицо, врезанное в венец» [Булгаков, 1989а, с. 411], «старый коричневый святитель Никола» [Булгаков, 1989а, с. 180], «шоколадный лик святого» [Булгаков, 1989, с. 413]. Вероятно, драматург и в случае описания Георгия Победоносца не имеет ввиду белизну его лика. Также всадник не может отличаться и белизной цвета одежды, поскольку на всех известных вариантах иконы с сюжетом «Чудо Святого Георгия о змие» белым изображен конь, а Георгий Победоносец имеет цветные убрания. На это указано и в работе В. Я. Проппа, занимавшегося исследованием

изображения данного сюжета. Ученый обращался к русским, грузинским, итальянским иконам и фрескам XII–XV вв., изучил и описал их в своей статье «Змеборство Георгия в свете фольклора», где подчеркивал яркость одежды всадника и ослепительную белизну, белоснежность коня [Пропп, 1973].

На наш взгляд, в «Беге» белизна Победоносца – это важный символ. Цветосемантика не только позволяет провести параллель между святым Георгием Победоносцем и белогвардейским генералом Хлудовым, а также вводит тему лика и маски. Белизна на иконическом изображении указывает, безусловно, на святость и совершенство Победоносца, напоминает о силе Божией, побеждающей зло. Белизна же Хлудова свидетельствует о надетой на героя маске, чему в тексте можно найти ряд подтверждений.

В его описании присутствует важная ремарка: «брит, как актер», что намекает на притворство героя и позволяет расценивать должность Хлудова – командующий фронтом – как роль, выбранную не по собственной воле, а по принуждению, чему находим подтверждение в тексте («Главнокомандующему. – О. К.) Ненавижу за то, что вы со своими французами вовлекли меня во все это. Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать» [Булгаков, 1989, с. 440]. Эта цитата подчеркивает несамостоятельность выбора Хлу-

довым своей судьбы, точнее образ жизни, ему претит играть полученную роль военного. О чуждости военного дела свидетельствует и деталь отсутствия у генерала Хлудова какого-либо оружия, что получает смысловую нагрузку при сравнении с описанием святого Георгия Победоносца, изображенного с копьем, – оружием, при помощи которого он побеждает змея.

Одежда Хлудова также выглядит как актерский костюм: на нем *солдатская шинель*, на погонах *небрежно* нашит *генеральский зигзаг*, а защитная фуражка *грязная, с тусклой кокардой*. Подобное изображение расходится с представлениями о подобающем внешнем виде генерала, у читателей (и зрителей) складывается ощущение, что перед ними или ненастоящий военный, или человек, который устал от порученных ему обязанностей и больше не хочет их исполнять. Данное предположение доказывает также и тот известный факт, что одежда обладает способностью к мистификации, и как бы замещает реального человека мнимым [Иваницкий, 2000, с. 46].

Вместе с тем внешний вид Хлудова, и особенно *тусклая* кокарда на фуражке белого генерала, может предвещать как скорый проигрыш в войне – звезда больше не блестит и не светит, – так и предстоящее окончание хлудовской военной карьеры и уход, говоря его же словами, в «небытие». Дальнейшие события, происходящие в пьесе, де-

монстрируют справедливость наших предположений. Незадолго до посадки на константинопольский корабль он уже одет в доху штатскую шапку, на что дважды обращается внимание. Сначала Африкан замечает: «В какой одежде!» [Булгаков, 1989, с. 439], а затем Главнокомандующий: «Почему вы в штатском?» [Булгаков, 1989, с. 439]. Оказавшись в эмиграции, Хлудов перестает быть генералом, его разжаловали в солдаты; в Константинопольских снах он одет в синий пиджак и белые брюки [Булгаков, 1989, с. 456].

Еще одной нитью, связующей образы Хлудова и Георгия Победоносца, может являться плащ всадника на иконическом изображении, очевидно, символизирующий покров и защиту и не раз упоминаемые в начале пьесы хлудовские «крылья», на которые герои возлагали большие надежды как на источник спасения. Но на самом деле, метафорические крылья проявляются в пародийном сравнении Хлудовым самого себя и своих штабных с попугаями, прозябающими на табурете и, при наличии крыльев, не пользующимися даром летать. И наперекор ожиданиям бегущих «к Хлудову под крыло», они оказываются «дьявольскими лапами», а защитный покров и вовсе реализуется в образе черных мешков. «*Серафима*. Вот и удостоились лицезреть. Дорога и, куда ни хватит глаз человеческий, все **мешки да мешки!**» [Булгаков, 1989, с. 430].

«*Крапилин*. ...Но мимо тебя не проскочишь, нет. Сейчас ты человека – **цап! В мешок!**...» [Булгаков, 1989, с. 431].

Мешки в контексте «Бега» являются ловушкой, и, как следствие, символизируют гроб или могилу, а самому Хлудову отведена роль не спасителя, а вешателя. Данный сюжет раскрывает глубину трагедии образа Хлудова, который, будучи генералом, обязан защищать, в этом заключается его предназначение как военного, но он вынужден совершать поступки, продиктованные ему функцией «вешателя», «палача». Причем, он сам в разговоре с Главнокомандующим замечает, что другого человека, способного справиться с данной ролью, нет: «Кто бы вешал, вешал бы кто?» [Булгаков, 1989, с. 429].

Сравнение хлудовской белизны, а также наличие «крыльев», позволяют также провести параллель между ним и ангелом смерти, известным в различных мифологиях аллегорическим образом в виде скелета с косой. Смерть как мифологический персонаж закрепились в фольклоре и литературе в виде женского образа [Еремина, 1991, с. 132]. Между тем, в образе генерала Хлудова также присутствуют «женские» черты, в ремарке указано: подпоясан «по-бабьи». И здесь же говорится о том, что белый генерал «Курнос как Павел» [Булгаков, 1989, с. 423], а курносая – устоявшийся эвфемизм смерти [Кабачкова 2004]. Очевидно, он принад-

лежит к такому типу булгаковских персонажей, которых Е. А. Иваньшина относит к тем, кто выполняет пограничную функцию, может общаться с мертвыми, образует комплекс жрецов или комплекс Бабы Яги [Иваньшина, 2017]. Это подтверждается и сумасшествием героя, то есть пребыванием между реальным и ирреальным.

В анализируемой ремарке Хлудов тоже находится как бы на границе: между новым и старым, кроме того, он отделен от всего штаба перегородкой. И его личное пространство коррелирует с местоположением иконы, перед которой горит разноцветная лампадка. Живой огонь, как известно, – важная в булгаковском художественном мире символическая деталь [Чудакова, 1988].

Так, пространство белогвардейской ставки, маркированное наличием иконы, представляется спасительным. И Хлудов, несмотря на все детали, свидетельствующие о его болезни, в соответствующий сюжетный момент предстает персонафицированной надеждой на спасение: «...страх и надежду можно разобрать в этих глазах (*итабных офицеров*. – О. К.), когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса. Там <...> сидит Роман Валерьянович Хлудов» [Булгаков, 1989, с. 423]. Что поддерживается и семантикой отчества героя – Валерьянович – то есть «успокаивающий», «приводящий в равновесие».

В лихолетье Россия теряет и земное, и небесное заступничество. Вопреки всем ожиданиям, чуда победы белогвардейцев над красноармейцами не случается. В чем Хлудов обвиняет Бога и лично Георгия Победоносца («...Видно, бог от нас отступился. Георгий-то Победоносец смеется» [Булгаков, 1989, с. 429]), а генерал Чарнота – Хлудова («Российская бывшая империя мерещится, которую ты проиграл на Перекопе» [Булгаков, 1989, с. 469]).

Заключение

Таким образом, в «Беге» М. А. Булгаков проводит и явные, и имплицитные параллели между Георгием Победоносцем, змеборцем, покровителем воинов и белогвардейским генералом Романом Хлудовым. Последний оказывается зеркальным отражением святого воина, надев маску, он играет разные роли: заступника, генерала, вешателя. После их исполнения временное состояние хлудовского генеральства меняется.

Таким образом можно сделать вывод, что присутствие иконы с изображением Георгия Победоносца в художественном мире пьесы «Бег» является неслучайным: изображенный сюжет оказывается параллельным ее основным событиям, дополняя их семантическими коннотациями и усиливая их масштабность и катастрофичность.

Библиографический список

1. Александрова М. В. Христианские мотивы в фантастической повести М. А. Булгакова «Дьяволиада» // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 533–537.
2. Белобровцева И. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий / И. Белобровцева, С. Кульюс. Москва : Книжный клуб «36.6», 2007. 496 с.
3. Булгаков М. А. Собрание сочинений : В 5-ти т. Т. 1. Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах. Москва : Художественная литература, 1989. 623 с.
4. Булгаков М. А. Собрание сочинений : В 5-ти т. Т. 5. Мастер и Маргарита. Письма. Москва : Художественная литература, 1990. 703 с.
5. Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. Театральное наследие. Ленинград : Искусство, 1989. 591 с.
6. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. Москва : Наука ; Восточная литература, 1994. 304 с.
7. Дашевская О. А. Библиейское начало в драматургии М. Булгакова («Бег», «Адам и Ева») // Творчество М. Булгакова : сб. ст. Томск : Изд-во Томского университета, 1991. С. 115–130.
8. Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Ленинград : Наука, 1991. 207 с.
9. Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. Москва : Текст, 2003. 189 с.
10. Иваницкий А. И. Гоголь. Морфология земли и власти. Москва : Изд-во РГГУ, 2000. 188 с.
11. Иваньшина Е. А. Метаморфозы культурной памяти в творчестве Михаила Булгакова : монография. Воронеж : Научная книга, 2010. 428 с.
12. Иваньшина Е. А. О комплексе Бабы Яги в сюжете М. А. Булгакова // Славянский мир: духовные традиции и словесность : сб. материалов Международной научно-методической конференции. Тамбов : Изд-во ТГУ, Вып. 8. 2017. С. 191–199.
13. Кабакова Г. И. Нос // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. Москва : Международные отношения, 2004. С. 435–436.
14. Казьмина О. А. «Я болен, только не знаю, чем» (образ Хлудова в пьесе М. А. Булгакова «Бег») // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №97. С. 201–205.
15. Колесникова Ж. Р. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века. Томск, 2001. 163 с.
16. Кораблев А. Время и вечность в пьесах Булгакова // М. А. Булгаков драматург и художественная культура его времени : сб. ст. Москва : Союз театр. деятелей РСФСР, 1988. С. 39–56.
17. Лепяхин В. В. Иконное и иконичное. По роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» // Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. Москва : Отчий дом, 2002. С. 682–695.
18. Пропп В. Я. Змееборство Георгия в свете фольклора // Фольклор и этнография русского севера. Ленинград : Наука, 1973. С. 190–208.
19. Урюпин И. С. Религиозно-философский контекст московского текста М. А. Булгакова: образ храма Христа Спасителя в творчестве писателя // Москва и

«московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей : сборник научных статей. Москва : МГПУ, 2012. С. 92–105.

20. Чудакова М. О. Некоторые проблемы источниковедения и рецепции пьес Булгакова о гражданской войне // М. А. Булгаков: драматург и художественная культура его времени. Москва : СТД РСФСР, 1988. С. 57–95.

21. Химич В. В. «Странный реализм» М. Булгакова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. 232 с.

22. Яблоков Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. Москва : Изд-во РГГУ, 1997. 199 с.

23. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 424 с.

24. Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. Москва : Текст, 2007. 413 с.

Reference list

1. Aleksandrova M. V. Hristianskie motivy v fantasticheskoj povesti M. A. Bulgakova «D'javoliada» = Christian motifs in M.A. Bulgakov's fantasy story “Diaboliad” // Problemy istoricheskoj pojetiki. 2008. № 8. S. 533–537.

2. Belobrovceva I. Roman M. Bulgakova «Master i Margarita». Kommentarij = M. Bulgakov's novel “The Master and Margarita”. Commentary / I. Belobrovceva, S. Kul'jus. Moskva : Knizhnyj klub «36.6», 2007. 496 s.

3. Bulgakov M. A. Sobranie sochinenij: V 5-ti t. T. 1. Zapiski junogo vracha; Belaja gvardija; Rasskazy; Zapiski na manzhetah = Collected works: In 5 vols. V. 1. A Young Doctor's Notebook; The White Guard; Stories; Notes on the Cuffs. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989. 623 s.

4. Bulgakov M. A. Sobranie sochinenij: V 5-ti t. T. 5. Master i Margarita. Pis'ma = Collected works: In 5 vols. V. 5. The Master and Margarita. Letters. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. 703 s.

5. Bulgakov M. A. P'esy 1920-h godov. Teatral'noe nasledie = Plays of the 1920s. Theatrical legacy. Leningrad : Iskusstvo, 1989. 591 s.

6. Gasparov B. M. Literaturnye leitmotivy: Oчерki russkoj literatury XX vek = Literary leitmotifs: Essays on XX century Russian literature. Moskva : Nauka ; Vostochnaja literatura, 1994. 304 s.

7. Dashevskaja O. A. Biblejskoe nachalo v dramaturgii M. Bulgakova («Beg», «Adam i Eva») = Biblical roots in M. Bulgakov's drama (“Flight”, “Adam and Eve”) // Tvorchestvo M. Bulgakova : sb. st. Tomsk : Izd-vo Tomskogo universiteta, 1991. S. 115–130.

8. Eremina V. I. Ritual i fol'klor = Ritual and folklore. Leningrad : Nauka, 1991. 207 s.

9. Zerkalov A. Evangelie Mihaila Bulgakova = The Gospel of Mikhail Bulgakov. Moskva : Tekst, 2003. 189 s. .

10. Ivanickij A. I. Gogol'. Morfologija zemli i vlasti = Gogol. Morphology of land and power. Moskva : Izd-vo RGGU, 2000. 188 s.

11. Ivan'shina E. A. Metamorfozy kul'turnoj pamjati v tvorchestve Mihaila Bulgakova = Metamorphosis of cultural memory in Mikhail Bulgakov's work : monografija. Voronezh : Nauchnaja kniga, 2010. 428 s.

12. Ivan'shina E. A. O komplekse Baby Jagi v sjuzhete M. A. Bulgakova = About Baba Yaga complex in M. A. Bulgakov's plot // Slavjanskij mir: duhovnye tradicii i slovesnost' : sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. Tambov : Izd-vo TGU, Vyp. 8. 2017. S. 191–199.

13. Kabakova G. I. Nos = The Nose // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheski slovar': v 5 t. T. 3. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2004. S. 435–436.

14. Kaz'mina O. A. «Ja bolen, tol'ko ne znaju, chem» (obraz Hludova v p'ese M. A. Bulgakova «Beg») = “I'm sick, only I do not know what with” (the image of Khludov in M. Bulgakov's play “Flight”) // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. 2009. №97. S. 201–205.

15. Kolesnikova Zh. R. Roman M. A. Bulgakova «Master i Margarita» i russkaja religioznaja filosofija nachala XX veka = M. A. Bulgakov's novel “The Master and Margarita” and the Russian religious philosophy of the early XX century. Tomsk, 2001. 163 s

16. Korablev A. Vremja i vechnost' v p'esah Bulgakova = Time and eternity in Bulgakov's plays // M. A. Bulgakov dramaturg i hudozhestvennaja kul'tura ego vremeni : sb. st. Moskva : Sojuz teatr. dejatelej RSFSR, 1988. S. 39–56.

17. Lepahin V. V. Ikonnoe i ikonichnoe. Po romanu Mihaila Bulgakova «Master i Margarita» = Iconic and iconicity. Based on Mikhail Bulgakov's novel “The Master and Margarita” // Ikona v russkoj hudozhestvennoj literature. Ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopiscy. Moskva : Otchij dom, 2002. S. 682–695.

18. Propp V. Ja. Zmeeborstvo Georgija v svete fol'klora = George's dragon-slaying in folklore // Fol'klor i jetnografija russkogo severa. Leningrad : Nauka, 1973. S. 190–208.

19. Urjupin I. S. Religiozno-filosofskij kontekst moskovskogo teksta M. A. Bulgakova: obraz hrama Hrista Spasitelja v tvorchestve pisatelja = Religious and philosophical context of M.A. Bulgakov's Moscow text: the image of Christ the Savior Cathedral in the writer's work // Moskva i «moskovskij tekst» v russkoj literature. Moskva v sud'be i tvorchestve russkich pisatelej : sbornik nauchnyh statej. Moskva : MGPU, 2012. S. 92–105.

20. Chudakova M. O. Nekotorye problemy istochnikovedenija i recepcii p'es Bulgakova o grazhdanskoj vojne = Some problems of source studies and reception of Bulgakov's plays about the Civil War // M. A. Bulgakov: dramaturg i hudozhestvennaja kul'tura ego vremeni. Moskva : CTD RSFSR, 1988. S. 57–95.

21. Himich V. V. «Strannyj realizm» M. Bulgakova = M. Bulgakov's strange realism. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1995. 232 s.

22. Jablov E. A. Motivy prozy Mihaila Bulgakova = Motives of Mikhail Bulgakov's prose. Moskva : RGGU, 1997. 199 s.

23. Jablov E. A. Hudozhestvennyj mir Mihaila Bulgakova = The literary world of Mikhail Bulgakov. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 424 s.

24. Janovskaja L. Zapiski o Mihaile Bulgakove. = Notes on Mikhail Bulgakov. Moskva : Tekst, 2007. 413 s.

Статья поступила в редакцию 06.07.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 06.07.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022